

## Бой Ильи Муромца с сыном

Да стояли-де на заставы богатыри,  
Да ни много ёни — петнаццеть лет:  
Але стар-то казак был на бóльшани,  
А Добрынюшка Микитичь был во писарях,  
Да и Васинька Буслаев был во кашниках,  
Да два брата Долгополыи — во конюхах.  
Да ништо-ко туды нонь не прохаживал,  
Кабы черной ле ворон да не пролетывал.  
Да ставают ёни ютром ранешинько.  
Да ставал стар казак утром ранёшинько,  
Надевал он сапожки да на босу ногу,  
Свою кунью-ту шубу на одно плещё,  
Свой пухов-де калпак да на одно ухо,  
Кабы брал-то ле трубоцьку подзорную,  
Выходил-де ведь он да на юлицу,  
Заходил он на рели да превысокия,  
Он смотрел ле теперь да во чисто полё.  
Не гора ле в чистом поле знаменуется —  
Не богатырь ле ездит да потешаетця:  
Под правой-то ногой дак бежит серой волк,  
Под левой-то ногой дак молодой выжлок,  
На правом-то плече сидит ясён сокол,  
На левом-то плече сидит белой кречет,  
Калену ле он стрелоцьку постреливат  
Да и на пол-де стрелку да не юраниват.  
Слезывал-то старой дак на сыру землю,  
Он увидел ярлык дак скору грамоту,  
Он взял-де ярлык да скору грамотку,  
Заходил-то старой да во белой шатёр,  
Говорил-то стар казак да Илья Муромець:  
«Ой вы ой еси, дружинушка хоробрая!  
Аш вам полно-ко спать, да пора ставать,  
От великого сну да пробужатисе,  
Он великой хмелины да просыпатисе.  
Ты ставай-ко, Добрынюшка Микитиць блад,

Ты считай-ко ярлык, да скору грамоту».  
Да ставаёт Добрынюшка Микитиць блад,  
Ключевой-де водой да умываетця,  
Полотёнышком сам да утирается,  
Он берёт-де ярлык да скору грамоту,  
От цитаёт, детина, да усмехается:  
«Уж у старой собаки да голову срублю,  
Я Добрынюшку Микитиця возьму в писари,  
Я и Ваську Буслаева во кашники,  
Да два брата Долгополых возьму в конюхи».  
Кабы тут-де старому да за беду стало,  
За великую досаду да показалосе.  
Он уздал-де, седлал да коня доброго,  
Он поехал за Сокольник в чисто полё,  
Он наехал на Сокольника в чистом поле,  
Закрычал тут старой дак зычным голосом:  
«Ах ты ой еси, ворона да пустопёрая!  
Да куда ноньце летишь, да куды путь держишь?  
Заневид ты потеряешь буйну голову!»  
Да на то ноньце Сокольник не ёгленетце.  
Закрычал тут старой да во второй након:  
«Уж ты ой еси, ворона пустопёрая!  
Ты куда ноньце летишь, да куды путь держишь?  
Заневид ты потеряешь буйну голову!»  
А оттуль же Сокольник да поворот даёт,  
Да съезжались со старым, да они встретилисе:  
А ударил Сокольник да Илью Муромца —  
Он не выпал едва из седёлышка.  
Оттуль же ёни дак разъезжались,  
Как съехалисе они да во второй након,  
Как ударил стар казак да Сокольничка —  
Тут ведь вышиб его из седёлышка.  
А скакали тут ёни да на сыру землю,  
Как хватались они дратця в рукопашную,  
Они бились как, дрались да двои сутоцьки.  
Как каки-то ле тяжки грехи попутали —  
Как права нога стара казака да окатилосе,  
Да лева его нога да подломилосе.  
Как садилса Сокольник да на белы груди,

Он вымал-то чинжалище булатен нож,  
Он хотел-то пороть да груди белыя —  
В заведи его рука да застоялосе.  
Замахнулса Сокольник да во второй након —  
Да в локтю его рука да застоялося.  
Тут змолилса старой дак Господу Богу:  
«Ох ты ой есь, присвета мать Богородиця!  
Я стоял ноньце за веру Христовую,  
Я стоял ноньце за церкви православныя,  
Я стоял ле за иконы за цюдныя,  
Ты повыдала поганому Едолищу».  
У стара казака да силы прибыло;  
Он не бел-то ле куропать выпархивал —  
Кабы стар-де казак ноньце выскакивал,  
Он бросал-то Сокольника на сыру землю,  
Он садилса к ему да на белы груди:  
«Ох ты ой еси, удалой да доброй молодец!  
Ты коей нонь земли, коей вотчины?  
Коего ты отца, да коей матери?  
Кабы как тебя, детина, да именём зовут?»  
Говорит-то Сокольник да таково слово:  
«Когда был я у тя дак на белых грудях,  
Я не спрашивал ни имени, ни вотчины,  
Я хотел нонь пороть твои белы груди —  
Ты пори ноньце мои, право, белы груди».  
Говорит ему старой да во второй након:  
«Ох ты ой еси, удалой доброй молодец!  
Ты коей ноньце земли, да коей вотчины?  
Коего же ты отца, да коей матери?» —  
«От того же я от камешка от Латыря,  
Да от той же я от матушки Златыгорки,  
Как зовут меня, право, Сокольником».  
Говорит ему старой да Илья Муромец:  
«Ох ты ой еси, удалой доброй молодец!  
Ты ведь будешь нынче мне да непоклёпной сын:  
Мы дрались с твоей матушкой родимой,  
Мы дрались ле с ею да ровно три года,  
Мы один ле другого да нын не ранили,  
Мы не ранили один, дак не кровавили —

Уж мы сделали любовь с ею сердечную,  
Да сердечную любовь, да нын телесную».   
Говорил ле стар казак Илья Муромец:  
«Ты зачем же ведь выехал во чисто поле?  
Молодёшинёк выехал, зеленёшинёк,  
Кабы выехал ле ты да лет семнаццети,  
Дак и не было бы тебе в поли поединщика».   
Кабы тут же ёни да распростилисе,  
Как поехал Сокольник да он назад домой.  
Приежжает он к своей матушке родимой,  
Говорит своей матушке родимой:  
«Уж как стара собака да похваляетца:  
Будто ты ему топере да ноньце суца блядь,  
А как я ему да ноньце выbledок?»   
Говорит ему матушка родимая:  
«Не пустыми ведь старой-от похваляетца,  
Ты ведь будёшь ему да непоклёпной сын».   
Кабы тут же Сокольнику за беду стало,  
За велику ле досаду показалосе —  
Он убил свою матушку родимую.  
Он поехал топере да во чисто полё,  
Ко тому же шатру да Илью Муромцю,  
Он и брал-то копейцо бурзомецкое.  
Как о ту ноньце пору, да как о то время,  
Кабы стар казак спит, дак порог шумит,  
Кабы ткнул-де Сокольник Илью Муромца,  
Да попал-де ему, право, в чуден крес.  
Кабы тут-де старой да пробужаетсе,  
Он выскакивал, старой, дак из бела шатру,  
Он хватал ле Сокольника за черны кудри,  
Да бросал же его ноньце о сыру землю,  
Да срубил же ему да буйну голову.

*(Зап. Ончуковым Н. Е.: апр. 1902 г., сел. Замежное (Замег) Усть-Цилемской вол. (на р. Пижме) — от Остахова Анкудина Ефимовича, 78 лет.)*

Печорские былины / Зап. Н. Е. Ончуков. СПб., 1904.